

В.Е. Разумков

С кортиком и стетоскопом

(Воспоминания военно-морского врача)

Владимир Евгеньевич Разумков
С кортиком и стетоскопом
Серия «Служу России!»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17097369

*В.Е. Разумков «С кортиком и стетоскопом». Серия «Служу России!». Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907590-5-3*

Аннотация

В памяти всплывают события, даты, люди, многие из которых уже давно закончили жизненный путь. Их образы, слова, привычки, иногда настолько четкие и рельефные, что просто удивляешься, как все это сохраняется в памяти, как удивительно гениально устроен наш биологический компьютер, способный сохранить все эти события, факты и действующих лиц. И в этом нет ничего удивительного, ведь это воспоминания о молодости, то есть о тех счастливых годах, когда все еще впереди, когда живешь надеждой на лучшее будущее. Девиз – «С кортиком и стетоскопом». И это не противоречие. Я был военным врачом, а это подразумевает готовность к оказанию медицинской помощи, а при необходимости быть и воином. Это великая честь: врач и воин. Спасибо судьбе. Итак, «по местам стоять, с якоря, швартов сниматься, полный вперед».

Автор книги закончил Военно-Морскую медицинскую академию (Ленинград), по окончании которой шесть лет служил на эскадренном миноносце «Безудержный» (КЧ ВМФ).

Содержание

Предисловие	4
Назначение	5
Корабль	8
«Слон»	10
«Перпетуум-мобиле»	12
«Румпель»	13
Флотский харч	14
У доктора средство!!!	16
Профилактика деторождаемости на корабле	19
Тревожные ночи и Васькины приколы	20
Слон на «боевой тропе»	21
Доктор! Вы хороший доктор, но вы гражданский доктор!	24
Сделай добро – получишь зло	27
Расплата	29
Все несчастья на нашу голову	30
Кэп	31
Белая ворона	32
Не знаешь точно, помалкивай!	33
Боцман Шмидов	34
Симулянт	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Евгеньевич Разумков

С кортиком и стетоскопом

Предисловие

*Ничто в мире так не роднит души,
как море, пройденные мили.*

Ю.Пахомов «После шторма»

Старею, плохо сплю, по ночам в голову лезут всякие мысли, воспоминания. Диагноз ясен: склероз, начальное явление старческого маразма. Учебники, описывающие это состояние, правы, на себе убедился. Для этой стадии характерно отсутствие памяти на сиюминутные события, зато прекрасно помнится, что было лет 50 назад. В памяти всплывают события, даты, люди, многие из которых уже давно закончили жизненный путь. Их образы, слова, привычки, иногда настолько четкие и рельефные, что просто удивляешься, как все это сохраняется в памяти, как удивительно гениально устроен наш биологический компьютер, способный сохранить все эти события, факты и действующих лиц.

Итак, нет худа без добра. Используем момент, когда еще не все так сильно запущено и включаем «базу данных». Мы поплывем (а по-морски – пойдем) по волнам океана памяти к тем островам, которые так крепко сидят в моей седой голове. И в этом нет ничего удивительного, ведь это воспоминания о молодости, то есть о тех счастливых годах, когда все еще впереди, когда живешь надеждой на лучшее будущее. Девиз – «С кортиком и стетоскопом». И это не противоречие. Я был военным врачом, а это подразумевает готовность к оказанию медицинской помощи, а при необходимости быть и воином. Это великая честь: врач и воин. Спасибо судьбе.

Итак, «по местам стоять, с якоря, швартов сниматься, полный вперед».

В.Е. Разумков

Назначение

Академия позади, получил назначение на ЧФ (Черноморский Флот). Поезд несет меня на юг, место службы не определено, от этого тоскливо на душе и, не скрою, страшновато. В голове пульсирует только одна мысль: только бы не в Потти, только не в Потти. На следующий день в кадрах Флота встречаю своего друга и однокашника Володю Свицерского. Он приехал раньше меня на сутки. Мы сидим перед кабинетом кадровика медслужбы и тихо обсуждаем возможные назначения.

– Только не в Потти, – говорит он. – Куда угодно, только не туда.

Я согласно киваю головой. Да, город Потти пользовался у нас дурной славой. От старших товарищей мы слышали о постоянных стычках моряков с местным населением, о национализме, о нелюбви и неуважении к нам местного населения.

– Разумков! Заходите.

Угрюмый майор м/с кивнул на стул. Он полистал бумажки, лежащие на столе, и, посмотрев на меня равнодушным взглядом, коротко сказал:

– Потти, эсминец «Безудержный». У меня перехватило дыхание и похолодело внутри:

– А можно на другой корабль? – пролепетал я.

– Вам все понятно? Оформляйте документы и вперед. Я вышел из кабинета. Свицерский посмотрел на меня и все понял.

– В Потти? – криво улыбаясь, спросил он. Эта улыбка вызвала во мне приступ ярости.

– Не радуйся, и ты загремишь со мной!

– Свицерский, заходите! Через 5 минут он вышел бледный, его пальцы дрожали.

– Куда? – спросил я.

– Туда же, – промямлил он. И тут я не сдержался:

– Ну что порадовался, что я место забил? Не выйдет, никуда ты от меня не денешься, мы всегда будем вместе!

И мы, чертыхаясь и кляня все и всех, пошли оформлять документы. Оформив их и получив билеты в каюту 3 класса на теплоход «Грузия», на следующий день вышли в море.

Был август, стояла чудесная погода, по палубе гуляли толпы пассажиров. Настроение было неважное – мы двигались в неизбежное, незнакомое и пугающее будущее. Кюта была на нижней палубе, в ней было душно и мы решили проводить время на верхней палубе, где был бассейн и можно было искупаться. И у бассейна носом к носу столкнулись с добрым и милым преподавателем органической химии из нашей Академии Хавиным. Он, увидев и узнав нас, очень обрадовался. Широко растопырив свои огромные волосатые руки закричал:

– Голубчики Вы мои! Как я рад, мне здесь так скучно!

Мы тут же были приглашены в его кюту I класса, где было просторно, свежо, был душ и туалет. Тут же появилась бутылка хорошего грузинского вина, какая то закуска и мы, забыв все свои тревоги, стали вспоминать нашу «alma mater», органическую химию, а по мере уменьшения вина в бутылке, остановились на дискуссии о красоте прекрасного пола, в чем Хавин, как оказалось, разбирается гораздо лучше нас, молодых старлеев.

Настроение улучшилось, почувствовав прилив новых сил и бойцовских тенденций, мы вышли на палубу на поиски приключений. И приключения начались. Около бассейна я познакомился с очаровательной блондинкой. Слово за слово и я узнал, что она следует в Батуми, где на береговой батарее служит ее муж. Блондинка вызвала пламенные взоры проходящих мужчин, особенно кавказской наружности, и вдруг появился он. Это был симпатичный, стройный капитан-лейтенант с очень подвижным лицом и внимательным взглядом, в котором без труда можно было разглядеть большой интерес к моей спутнице. Я был в форме, и он, остановившись около нас, спросил:

– Старлей, Вы не в Потти случайно?

– Случайно в Потти, – ответил я.

– И куда Вас забросила судьба? – любопытствовал каплей.

– На корабль, на эсминец.

– Да ты что! Не на «Безудержный» ли? Я удивился, но ответил утвердительно.

– Так, старлей, разреши представиться, Афанасьев Борис Васильевич, помощник командира эминца «Безудержный» собственной персоной. Вот так встреча. Ну, вот что, друзья, – обратился он к нам, – такую встречу необходимо отметить. Прошу ко мне в каюту, все уже на столе.

Свидерского не было, и я в сопровождении блондинки оказался в каюте Бориса, даже не представляя, сколько интересного в моей службе будет связано именно с ним.

Вино было отменным, блондинка очаровательна, Борис Васильевич фонтанировал остроумными анекдотами. Жизнь прекрасна! Приближался вечер, а утром мы уже должны придти в Потти. Когда стемнело, каплей, пользуясь временным отсутствием блондинки, взял меня в оборот:

– Слушай, док, ты ведь женат, да?

– Да, а что?

– Как что? Начинать службу на корабле с измены своей законной – кошунство. Отдай блондинку мне! Отдай, я, как никак, старше тебя и по возрасту и по званию, да и по должности, ну а главное, я холост. Понял – холост и очень голоден на эту «тему».

Он разбивал все мои планы и надежды, но аргументы были весомы.

– Ну, ладно, – сдался я, – смоюсь под благовидным предлогом. Бог с вами, хоть и делаю это с болью в сердце и раной в душе.

– Ладно, ладно, сочтемся. Кстати, завтра утром увидимся в порту и вместе на корабль пойдем.

Я побрел в каюту, где разомлев от жары и безделья, маялся Володя Свидерский, а проще «Свида». Засыпал трудно, представляя то, что происходит в каюте Бориса, и по-черному завидуя ему.

Утром, часа за 2 до прихода в Потти, в каюту постучали. Я открыл двери и с удивлением увидел моего нового знакомого и сослуживца.

– Док, ты с кем меня познакомил, а? Смотри, что она, кошка драная, наделала!

Смотреть уже не надо было, я и так увидел его мужественное лицо с тремя глубокими царапинами, идущими от левого уха почти до угла рта.

– О, как у Скорцени! – восхитился я (в те времена я глубоко изучал историю третьего Рейха).

– У кого, у кого? – изумился он. – Ты что, еще только из яйца вылупился, а уже над помощником командира издеваешься! Ты виноват, что я с этой тигрицей познакомился, вот и делай с этой раной что хочешь, но чтобы никто на корабле ничего не заметил. Представляешь, что мне старпом скажет, а?

– А чем я вам помогу, у меня ничего с собой нет!

– Думай, док, думай. Тебя же в Морской медицинской академии учили для работы в любой обстановке. Законопать мне рожу чем-нибудь, хоть временно, потом что-нибудь с тобой придумаем, – взмолился он.

Что делать? Я лихорадочно соображал, как помочь незадачливому любовнику и вдруг меня осенило. Вчера я, изучая теплоход, случайно прошел мимо медпункта. Дверь в него была открыта и я заметил привлекательную женщину в белом халате. «Видимо, медсестра», – решил я, и мы обменялись с ней изучающими взглядами.

– Так, пойдем, – сказал я.

– Куда?

– Куда, куда! Туда, куда надо.

Я потянул «помощника» за собой. С трудом отыскав медпункт в лабиринте коридоров и палуб, робко постучался. К счастью, услышал: «Заходите!». Открыв дверь, с радостью увидел ее.

– Доброе утро, коллега! Начальник медслужбы эскадренного миноносца старший лейтенант Разумков В.Е., – выдохнул я. – Прошу помощи, коллега!

И я коротко изложил суть дела. Миловидное лицо моей коллеги расплылось в широкой и веселой улыбке:

– Так вам, извините, кобелям и нужно! Не успеют имя узнать, а уже в постель тянут! Ну, давайте, доктор, своего помощника командира.

Я выглянул в коридор и поманил Бориса.

– Только помалкивайте, что бы она Вам ни говорила, – предупредил я.

– Ладно, – буркнул он.

Появление красивого, стройного морского офицера произвело впечатление. Я это заметил сразу.

– Садитесь! – скомандовала сестра. – Сейчас чего-нибудь придумаем.

Она достала какие-то банки-склянки и реставрация расцарапанного лица моего будущего друга началась. Через 15 минут Борис, посмотрев на себя в зеркало, разразился словами глубокой благодарности, перемежающихся поцелуями обеих умелых ручек нашей спасительницы.

– Будете в Потти – всегда Вас жду, – рассыпался он в комплиментах.

– Да, Да! Знаю я вас, не первый год на море, – отрезала медсестра, выпроваживая нас из медпункта. – А вам, «помощник командира», советую выбирать мишени поосмотрительней.

– Ну, док! Ты молоток, догадался, – радовался помощник, всматриваясь в свое отражение почти у каждого зеркала длинного коридора. – Ишь, как заштукатурила, ничего и не заметно. Все прощаю тебе. Давай готовься к сходу на берег, через час – наш чертов Потти. На корабль пойдем вместе.

– Ладно, ладно, вместе, а все же с ней-то как, удалось? – любопытствовал я.

– Да какое там, только то, что ты видел. Вот и все удовольствие, – печально подвел он итог вчерашней интрижки.

Корабль

Корабль встретил меня шумом работающих механизмов и ревом вентиляторов. Шли швартовые испытания работы механизмов. ЭМ «Безудержный» заканчивал «средний» ремонт и, простояв у стенки завода полтора года, рвался в море. Рядом с нами стоял корабль поменьше и на вид постарше. Это был ЭМ «Огневой» – тот самый, на который был назначен будущий академик РАН и директор института, мой друг и однокашник Володя Свидерский.

Оставив свой чемодан у рубки дежурного по кораблю, я сразу же явился с докладом о прибытии к старшему помощнику командира (то есть старпому). Командира не было, он перегонял какой-то корабль с Балтики на ЧФ вокруг Европы и должен был вернуться со дня на день. Меня встретил огромного роста, рыхлый и хмурый капитан-лейтенант. Это был гроза всего личного состава корабля капитан-лейтенант Михаил Барсуков.

– Садитесь, доктор – устало сказал он. И я окончательно понял, что врач корабля – это доктор, а короче – «док».

– Ваш предшественник в отпуске и прибудет сдавать дела через месяц, а пока располагайтесь в каюте № 2, обживайтесь, знакомьтесь с людьми, изучайте корабль. Вам все понятно?

– Так точно!

– Да, кстати, доктор, а как у вас с аппетитом? – внезапно спросил он.

Я удивился и, ничего не подозревая, сказал, что потерей аппетита не страдаю, и даже наоборот – люблю поесть.

– Ну, это прекрасно, – резюмировал старпом.

– В здоровом теле – здоровый дух.

– Посмотрим, посмотрим!

Слишком поздно я понял, что расписавшись в отличном аппетите, допустил грубую тактическую ошибку, ибо прямо на следующий день после представления меня офицерскому коллективу, получил первую (увы, далеко не последнюю) дополнительную нагрузку – «заведующий кают-компанией».

Помощник командира Борис Афанасьев с «заштукатуренной» щекой был очень доволен:

– Ну, док, вместе лямку тянуть будем, а подкармливать нас ты будешь!

Итак, поселили меня в каюту № 2. На кораблях проекта «30 бис», каким был ЭМ «Безудержный», каюта № 2 находилась в самом носу в конце коридора офицерского состава по левому борту. Все невзгоды погоды, удары чем-либо о палубу в районе бака – все отражалось в каюте. Было ощущение, что находишься в металлической бочке, по которой постоянно чем-то колотят.

Войдя впервые в каюту со своим огромным фибровым чемоданом, в котором находилось все мое состояние, я первым делом попал в объятия маленького, довольно щуплого человека с хитрыми глазками и редкими передними зубами. На его лице была такая радость, что казалось, он ждал меня всю свою жизнь. Это был мой сосед по каюте – начальник интендантской службы капитан Василий Празукин.

– Ну, доктор, давно вас ждем, ибо ваш предшественник капитан м/с Капитанов, в общем-то, прекрасный человек и доктор, давным-давно на все, простите, «забил и положил». Ему все так надоело, что он хотел только одного – сбежать с корабля и уволиться в запас.

Коротко познакомившись и поведав друг другу основные штрихи нашей предшествующей жизни, я узнал, что прежде чем стать интендантом, Вася был матросом, артиллеристом, писарем, медбратом, токарем и т.д., а всего перепробовал 13 специальностей. Вершиной его изумительных интендантских способностей, как я потом узнал, было умение достать что-

либо намного раньше других и списать то, что другим списать никак не удавалось. Написанные им и собственноручно отпечатанные «Акты о списании» были виртуозно обоснованы и реализованы. Боже, сколько я их видел за совместную службу, и чего только здесь не списывалось. Он был постоянно занят и даже после отбоя, когда уже все давно спали, я видел его сидящим за столом и долбящим своими крючковатыми пальцами по клавиатуре старопрестарой пишущей машинки новый «Акт о списании» или «Заявку на получение».

Я отвлекся. Я так устал за первый день нахождения на корабле, что только и ждал отбоя. Вася это понял.

– Вот что, доктор, ваша койка верхняя. Вы уж извините, но я старше вас по возрасту, званию и не так физически подготовлен, чтоб сигать на такую высоту. Вы согласны?

– Да, да, – мне было все равно, лишь бы скорее оказаться в постели.

– Сон у нас здесь на корабле, доктор, богатырский. Так ухандокаешься за день, что и выстрела над головой не услышишь, – философствовал Празукин, разбирая свою койку.

Была лунная ночь, иллюминаторы отдраены, и полосы лунного света вяло освещали каюту. Быстро раздевшись, запрыгнул к себе на «второй этаж» и, немного повозившись, выбрал подходящую позу, чтобы забыться в сладком сне.

Мысли путались и уже на самом излете бодрствования, когда сладостно приблизился момент «отключки», вдруг что-то сильно укололо меня в ягодицу. Я подпрыгнул на кровати и стал лихорадочно ощупывать постель в поисках острого предмета, так безжалостно отобравшего у меня секунды блаженства. Ничего не обнаружив, на всякий случай заглянул вниз, где на койке раскинулось тело моего соседа. Лицо Празукина, слабо освещенное лунным светом, было спокойным, он безмятежно посапывал, в углу рта в такт дыханию трепетал пузырек слюны. «Вот это темпы, – подумал я, – так быстро заснуть – просто на грани фантастики». Недоумевая о причинах укола, я снова погрузился в объятия прекрасного чувства отрешения от суровой действительности, как вдруг вторично что-то пребольно воткнулось мне почти в то же место. Я снова стал шарить руками по постели в поисках источника, так безжалостно прерывающего мой покой. Поиски были безрезультатны. Я снова посмотрел вниз, но кроме усиления хлюпанья слюны и сонного чмокания губами моего визави, ничего не увидел и не услышал. На всякий случай, выбрав удобную позу для наблюдения, решил посмотреть за моим нижним соседом. Для маскировки тихо засопел. Прошло несколько томительных минут, как вдруг Вася стал оживать. Я увидел, что он приподнимается, и даже темнота не помешала мне разглядеть, что в руке у него что-то длинное и эти длинным он пытается проткнуть мой матрас. Решение пришло мгновенно. Я перестал сопеть и громко произнес:

– Ку-ку, ку-ку. Он рухнул на постель и включил ночник.

– Доктор, доктор! Ты прошел, прошел!

– Что прошел? – угрюмо спросил я.

– Проверку на вшивость, на присутствие чувства юмора. Твое «ку-ку» было прекрасным завершением этой проверки!

Орудием, помогавшему этому мерзавцу проверить меня «на вшивость», как я увидел, было длинное-предлинное и, видимо, очень острое шило, которым он оперировал с хирургической точностью – чтоб только уколоть, но не более.

– Ну, ты даешь! – сказал я удивленно-возмущенным тоном. – А если бы ты меня ранил?

– Нет, – засмеялся он, – дело отработано в точности, не одного новичка на шило нанизывал – все обходилось.

Спорить с ним или возмущаться было бесполезно, и я через секунды уснул крепким сном. Это была первая шутка надо мной, но далеко не последняя. На следующий день все офицеры знали: «Доктор прошел проверку – он наш!».

«Слон»

За завтраком мне показали мое место за столом кают-компаний. В ней было два больших стола. Один справа от двери, где сидели младшие офицеры корабля во главе со старпомом, а слева – где сидели командир корабля, замполит, помощник командира и командиры БЧ (боевых частей). Обслуживали двое вестовых из матросов. Кухня была единой для всего личного состава корабля. Садись за стол после прихода командира и команды «Товарищи офицеры!». Все вставали по стойке «смирно». Командир приглашал всех к столу и трапеза начиналась. Ежедневно в кают-компанию для приема пищи приглашали четыре раза. Утром – завтрак: чай и хлеб с маслом; обед: первое, второе, компот; ужин: первое, второе, компот и вечерний чай с хлебом и маслом, плюс доппаек за счет средств самих офицеров, чаще колбаса или сыр. Так же питался и личный состав корабля, только без доппайка.

И вот буквально на следующий день после прибытия на корабль – я назначен заведующим кают-компанией, а это значит, что я должен был собирать с офицеров деньги и в городских магазинах покупать доппаек, что сразу же и сделал. Вопрос всегда был только в том, что купить, в каком количестве и за сколько, чтобы хватило. В первый раз я примерно прикинул возможности и купил один килограмм твердой-претвердой тонкой колбасы, то ли конской, то ли из буйволятины. Буйволов в округе Потти было предостаточно. Передав купленное вестовым и велел поделить все на оба стола к вечернему чаю, я с удивлением увидел, что на каждой тарелке лежит по крохотному кусочку колбасы. Когда все сели к столу, старпом грозно посмотрел на меня:

– Доктор, вы сколько колбасы этой купили, а?

– Килограмм, – пролепетал я.

– Ну, вот что, не килограмм, а чтоб завтра полтора метра ее было. Вы поняли?

– Так точно, но ведь она в килограммах продается! – удивился я.

– А вы полтора метра отмерьте, а потом пусть взвешивают. Это что вы тут за экономию разводите, уморить нас хотите? Мне этот кусочек, что слону дробина!

Все захихикали. Я только потом понял, что это любимая его поговорка. Что бы ему ни давали, учитывая его рост и вес – все оказывалось «дробинкой». Так, буквально на следующий день, меня срочно вызывал старпом.

– Доктор! Дай что-нибудь от головы, боль просто башку сносит!

– Товарищ капитан-лейтенант, давайте я вас осмотрю, давление измерю...

– Я сам знаю, что у меня! Тащи лекарство. Я принес таблетку пирамидона.

– Вы что, вот это мне? – покрутил он таблетку передо мной. – Издеваешься? Он переходил с «ты» на «вы» и обратно.

– Мне это, что слону дробина! Тащите три таких!

С этого дня я узнал, что кличка его на корабле была «Слон», а момент его прохождения по верхней палубе назывался и передавался из уст в уста, как «Слон на боевой тропе!». На этой тропе он охотился на всех нарушителей формы одежды, бесцельно болтающихся на верхней палубе; ругал боцманов за плохую покраску, уборку, за недостатки в состоянии плавсредств на борту и так далее. Артиллеристов стыдил за грязные чехлы на орудиях, механиков за излишнюю дымность и т.д. и т.п. Когда клич «Слон на боевой тропе!» достигал ушей матросов – все бросались в рассыпную, чтобы спешно укрыться, смыться, спрятаться. Даже офицеры стремились не попадаться ему на глаза, ибо расплата наступала после вечерней проверки. Он собирал офицеров.

– Так, станьте полукругом, – командовал он. – Чтобы я всех вас видел.

Когда все выстраивались возле него, наступала раздача «слонов». Карать он начинал всегда с механиков, ибо там нарушений было больше всего. Он тыкал пальцем в командира БЧ-V (электромеханическая боевая часть):

– Якованец, до каких пор твои черномазые будут... – и начиналось перечисление нарушений со стороны кочегаров, машинистов и электриков. – Бардак!

В конце «раздолбона» приговор:

– За систематическое и т.д... – двое суток ареста при каюте! (В те годы эта мера наказания военных моряков еще существовала). Затем его палец упирался в артиллериста:

– Т...ий, бардак в пятом кубрике! (В пятом кубрике проживало около пятидесяти человек, и беспорядки можно было найти почти всегда).

И так его указующий и карающий перст упирался во всех с соответствующими выводами: замечания, выговоры, арест при каюте. Когда он доходил до меня, его палец, как дуло маузера, поблуждав возле моего носа, упирался в живот.

– Ну а вы, доктор, и так никуда не сходите с корабля, поэтому наказывать вас сегодня не буду, но помните, что всегда есть за что!

Я и вправду уже месяц не сходил на берег, кроме ближайшего продмага. Жена была в Питере, а денег у меня не было, да и ходить в Потти было некуда.

Напоследок старпом словесно отхлестал интенданта и на этом экзекуция кончалась; все расходились, шепотом кляня Слона. Опять жены не дождутся своих бедолаг.

«Перпетуум-мобиле»

Я постепенно знакомился с кораблем, с офицерами и матросами. Дня через три после прибытия, со мной захотели поближе познакомиться командир БЧ-I (штурман) и БЧ-II (артиллерист). Они жили в одной каюте. Ремонт корабля приближался к концу, основная нагрузка лежала на механиках. У штурмана и артиллериста все было «тип-топ» и они откровенно бездельничали, правда, тщательно избегая встречи со старпомом, который всегда мог изобрести какуюнибудь нагрузку и заставить работать.

Так вот, в один из вечеров, после ужина прибежал рассыльный и сказал, что я приглашаюсь в каюту штурмана. Оба, и артиллерист, и штурман, были старше меня по званию, давно служили на «Безудержном», поэтому, несмотря на равное положение в иерархии корабля, я решил просьбу уважить. Постучал в каюту. В ответ гробовая тишина. Я постучался и назвал. Дверь рывком отворилась и меня буквально затянули внутрь, и она вновь захлопнулась. Первое, что я почувствовал, был тяжелый запах гремучей смеси спирта, свежего лука и соленой селедки.

– Тише! – зашептал штурман. – Не напугай!

– Кого? – удивился я. В ответ в полутемной каюте он показал на потолочный плафон:

– Смотри!

На нитке, привязанной петлей к плафону, вертелось бумажное колесико, по внутренней стороне которого, как белка в колесе, бегал большой таракан, создавая крутящий момент.

– Знаешь, док, что такое перпетуум-мобиле? Вот смотри – уже второй час крутит. Мы тут пари заключили на бутылку «армянского». Я говорю – два часа выдержит, а он – три.

Итак, итог пари двух солидных капитан-лейтенантов, чьи боевые части давно были готовы к бою и походу, подходил к концу. Мне сходу было предложено четверть стакана «горючего», от которого я категорически отказался.

– Ну, док, ты прямо как не свой!

– Не могу, – оправдывался я, – не пью совсем.

Я, конечно, лукавил, но обстановка требовала именно этого ответа. Побыв минут пятнадцать в их компании, где наша флотская интеллигенция, явно скучая от безделья, отпускала ехидные шутки по поводу «этих» пропахших маслом и мазутом механиков и кочегаров, которые, работая с утра до вечера, как лошади, задерживали ремонт и ввод корабля в действующее соединение.

– Господи! – жаловался штурман. – И когда мы «морские» будем получать!

«Морские», как я узнал позднее, платят только экипажам, сдавшим соответствующие курсовые задачи и ввода корабля в строй плавающего состава.

«Румпель»

Прошло несколько дней. Приехал командир корабля, плотный, среднего роста, с большим крючковатым носом, с быстрым внимательным взглядом. Выглядел строго и несколько отстраненно. Я представился и доложил краткую автобиографию. Выслушав и пожав мне руку, он дал мне месяц на изучение корабля, его основных тактико-технических данных, вооружения и устройства службы, пообещав через месяц самолично проверить мои знания.

– Ну что, у Румпеля побывал? – спросил меня штурман, видя, как я спускаюсь с трапа ведущего в каюту командира.

– У кого, у кого? – удивился я.

– Да ты что, до сих пор не знаешь, что у нашего «кэпа» кличка «Румпель». Видел, какой нос-то у него? Так я впервые познакомился с командиром, с которым мне предстояло многое пережить за годы совместной службы на «Безудержном».

– Доктор! – на следующий день, встретив меня на палубе, сказал командир. – Скоро мы выходим в море, делайте все, чтобы личный состав был здоров, боеспособен, чтоб никаких инфекций и прочих заболеваний. Головой отвечаете. Следите за камбузом; проба пищи – ваша забота и чтоб камбуз всегда сверкал, а коки и матросы-помощники были с чистыми руками и одеждой, да и вестовых в кают-компании почаще проверяйте, а то они иногда пальцы в супе замачивают, да и чтоб «траурных полос» на ногтях не было.

Я обещал за всем следить.

Флотский харч

Вообще прием пищи на корабле – святое дело. Триста здоровых молодых людей с утра до позднего вечера занятых службой на аппетит не жалуются. Кормили обильно, но качество продуктов и приготовления пищи иногда подводило. Коками были старшины и матросы срочной службы, окончившие краткосрочные курсы. Из каш преобладала «дробь»-перловка. Свежая картошка была только до мая месяца. Почти все лето, до нового урожая, получали сушеную картошку, качество которой было низким. Любимой едой были макароны по-флотски и борщ.

Офицеры, как я уже говорил, закупали доппак, что несколько разнообразило надоевшее меню и продляло минуты бесед за вечерним чаем. Разговоры за столом велись обо всем, кроме служебных. Не зная этого, как-то в первые дни пребывания на корабле, я завел разговор о текущих делах, но был тут же прерван Слоном (старпомом).

– О чем вы говорите, доктор? Вы что, не знаете о чем говорить? Обо всем, кроме службы. Поняли? Особливо о бабах и прочих приятных моментах! А вы о планах! Чтобы этого больше не повторялось.

Я все понял и в последующие шесть лет сам сдерживал молодых офицеров, повторявших мою ошибку.

Надо сказать, что в традициях флота – флотское гостеприимство. Гостя или гостей старались хорошо накормить, а иногда чуть-чуть и напоить. Но это не касалось офицеров штаба, надолго прикрепленных на «кошт». Так значительно позже, уже в Севастополе, к нам прикрепили бригадных «флажков» (флагманских специалистов). Дело в том, что число мест в кают-компании строго соответствует штату офицерского состава, и все принимают пищу в одну смену. И вдруг:

– Доктор! К нам прикреплен для питания штаб бригады. Позаботьтесь о чистоте и порядке в кают-компании. Питаться офицеры штаба будут в первую смену, так что младших офицеров переведите во вторую. Вам все понятно?

– Понятно, товарищ командир, но ведь офицерам корабля будет очень неудобно: съедается время послеобеденного отдыха.

– Доктор, вы все поняли?

– Понял, понял, – оправдывался я. Что тут скажешь? Пошел к интенданту Васе Празукину. Он уже все знал.

– Доктор, спокойно, спокойно, не нервничайте, не тратьте свое драгоценное для нас всех ваше здоровье по пустякам. Есть очень действенные и ненаказуемые методы выдавливания «чужаков» из нашей питающейся братии.

– Как это? – изумился я.

– Да очень просто. Пусть вестовые, когда разносят первое блюдо, несколько раз окунают пальцы в уже не очень горячий суп. Если это не сработает, пусть вестовые после каждого блюда интересуются у едока: «Вам что, и второе подавать?» или «Вы что, и компот будете?».

– Но ведь вестовых накажут, и нас ругать будут!

– О, доктор, когда же вы перестанете быть таким наивным? Надо все обыграть очень тонко, чтоб едок все видел и все понимал, но оснований для прямых обвинений у него не было. Все спланируем на молодость вестовых, на их пролетарское происхождение, где никаких буржуазных тонкостей с кормлением не было. Ешь, что дадут и все дела.

Да, Вася был опытным психологом. Вестовые были тайно проинструктированы и «выживание» началось. Пару раз флагманский механик обращался ко мне:

– Вы, доктор, воспитывайте гигиенические навыки у вестовых. Что это они пальцы в супе полощут. Я одного спрашиваю, ну что, пальцам-то не горячо? А он, мерзавец, не моргнув глазом, отвечает: «Нет, товарищ капитан третьего ранга, суп не очень горячий!». Вот гад, а тарелка полная до краев!

Я оправдывал вестовых, как мог. Механик, махнув рукой, отходил. Короче говоря, питались они у нас не больше трех недель и перешли на соседний корабль. Меня и Васю вызвал командир.

– Вы что оба думаете, что я не догадываюсь, почему «флажки» ушли от нас, правила гостеприимства для Вас что, не существуют? Почему штабные сбежали от нас? Качество пищи у нас не хуже, чем у соседей.

Мы корчили невинные рожи и, конечно, недоумевали вместе с командиром. Он упрекал нас, но без злости. Видимо, в душе и он был доволен этим обстоятельством, но положение обязывало отреагировать.

Младшие офицеры торжествовали. Все встало на свои места, а стабильность – залог спокойствия души и тела.

У доктора средство!!!

Ремонт корабля заканчивался. Командир всех торопил, люди уставали, нервничали. Дежурство по кораблю начиналось в 18.00, и вот однажды, часов в 17, ко мне припелся дежурный по кораблю старший лейтенант Фролов.

– Доктор, помоги. Дай чего-нибудь, с ног валюсь, час дежурить осталось, а я уже иссяк.

«Что ему дать? – подумал я. – Дай-ка его стимульну». В те времена у нас была настойка чилибухи – возбуждающего средства, повышающего тонус мускулатуры и т.д. Дозу лекарства я забыл, но при лейтенанте лезть в справочник не захотел. Думаю, капель 20 хватит. Я накапал ему в мензурку ровно 20 капель. Выпив и вяло поднявшись, он поплелся в дежурку. Через полчаса Фролов ворвался ко мне в медпункт с воплем:

– Док! Что ты мне дал, а?! Бабу давай! Ба-бу!

Руки у него были глубоко в брючных карманах, и он явно пытался усмирить взбунтовавшуюся плоть.

– Уйди, – погнал я его, – сменяйся, все скоро уgomонится.

С дозой я чуток перестарался. Буквально на следующий день понял, что инцидент с Фроловым так просто мне не пройдет. По офицерскому коллективу пополз слух: у нового доктора есть потрясающее средство. В те времена никаких «виагр» или «виардо» не существовало, ибо, как отрезала позже американским слушателям одна наша советская женщина: «В СССР секса нет»!

Через несколько дней мы должны были выйти на ходовые испытания с заходом в город Новороссийск. Накануне выхода, вечером у меня в медпункте появился штурман.

– Ну, док, как дела? Привыкаешь? Мы тут посоветовались и решили, что ты мужик свойский и тайну хранить умеешь. А?

Я насторожился.

– В чем дело-то?

– Да вот, говорят, средство у тебя очень эффективное есть, а? Фролов говорил, что за полчаса из доходяги в истинного мужика превратился. Дай мне это средство в той же дозировке. Накапай в пенициллиновый флакончик с резиновой пробочкой.

– Ладно, – согласился я, гордый своей значимостью в жизни офицерского состава корабля.

Флакончик с закапанным лекарством перешел к ошачливленному штурману.

– Да, а когда употреблять-то? – скромно осведомился он.

– На Фролова за полчаса действовало, так что употребите в эти сроки до мероприятия.

– Понял, понял, – обрадовался штурман. – Ну, спасибо, док, хороший ты человек. С понятием. Через час явился помощник командира Борис Афанасьев.

– Доктор! Штурман у тебя был?

– Был.

– Так вот, мне то же самое, в той же дозе и в той же таре.

– Вы чего, сговорились, что ли? – возмутился я.

– Не любопытствуй, молод еще. Говорят, то же самое и в той же дозе, и все тут.

– Ну, ну, ладно, – сдался я. – Время приема знаете?

– Заметано, – подобрел помощник. – Молодец ты, док, новую медицинскую струю внес в жизнь коллектив, а то Капитанов, твой предшественник, заржавел здесь, ничего его не трогало, а ты вот по-настоящему заботаешься о наших проблемах.

Мое самолюбие было удовлетворено. Оценили. Штурман и помощник командира не последние люди на корабле.

Вышли в море утром и к вечеру подошли к Новороссийску, пришвартовались к стенке. Несколько офицеров сошли на берег, как оказалось позже, до утра.

Утром перед подъемом флага на шкафуте меня встретил штурман.

– О, док! – обрадовался он. – Ты молодец и средство твоё классное, спасибо, друг!

Я был доволен.

– Ну что, все «окей»?

– «Окей», «окей», потом ещё налей, – продекламировал штурман.

Тут же подошел помощник. Лицо его было злым, бледным и несколько одутловатым, как у человека, измученного длительным невысыпанием.

– Так вот, док! Ты только служить начал, а уже второй раз меня подставляешь, со старшим товарищем шутики шутишь!

– Какие шутики? – удивился я.

– Ты почему мне другие, чем штурману, капли накапал, а? Я на тебя так надеялся, а ты!

– Да что вы говорите! – возмутился я. – И лекарство то и доза та же!

– А почему штурман «три», а я... – И он пальцем показал «ноль». – А? В чем дело, доктор? Ты меня так подвел.

– Да что вы говорите, товарищ капитан-лейтенант, всё было, как у штурмана, – оправдывался я.

– Ну, смотри, что-то ты мне мозги пудришь.

Позже я узнал суть дела. Оказалось, у них в Новороссийске были две знакомые женщины, которые проживали в одной квартире. Придя к ним, собрав стол и выпив, они приготовились к самому главному. Предварительно зайдя на кухню и, чокаясь пенициллиновыми флакончиками, были застигнуты врасплох одной из хозяек.

– Мальчики, а что вы тут пьете? – поинтересовалась она.

Это так смутило помощника, что его последующие усилия были тщетны, и ночь любви превратилась в сплошные страдания без сна и без любви. У штурмана нервы были покрепче, он не обратил внимания на этот провокационный вопрос, и всё у него пошло, как по маслу, к большому удовольствию, как его самого, так и одной из хозяек.

Результат – мои медицинские возможности в этом деле и авторитет дали трещину.

Корабль возвратился в Поти устранять выявленные в походе дефекты ремонта. Через несколько дней внезапно в медпункте появился Володя Сви́дерский.

– Слушай, я к тебе. Назначен проверить твою деятельность в составе комиссии, проверяющей корабль, и составить акт. Ты понимаешь, дружба дружбой, а служба службой.

Я был очень удивлен, особенно последними словами Вовки.

– Ну и проверяй, давай копай, тебе ведь приказали, – провожая, сказал я.

На следующий день Сви́дерский целый день шатался по кораблю, совал свой нос всюду, присматривался. Просмотрел все мои бумажки и в результате при подведении итогов комиссии появился акт, где в отношении медицины прозвучали очень нелестные слова. Я был в шоке.

– Ты что, обалдел? – шипел я на него. – Мог бы и не писать так гнусно.

– Дружба дружбой, а служба службой, – причитал он. – Ты должен меня понять.

Я, конечно, понял, но затаил. Бумеранг сделал своё дело буквально через неделю. Меня вызвали к командиру дивизиона ремонтирующихся кораблей, и мне была поставлена задача проверить медслужбу «Огневого» самым внимательным образом и отразить результаты проверки в акте. Немезида торжествовала. Сделав постную и безразличную рожу, я явился к Сви́де и изложил суть дела. Он обмяк:

– Что, мстить будешь?

– Да ты что, мы же друзья, но дружба дружбой, а служба службой. Так что завтра готовься. Даю тебе полдня для устранения недостатков. Видишь, я поступаю благородно, никакой внезапности.

На следующий день с утра я начал свое черное дело. К вечеру, уставший и удивленный бардаком, который был у Володи, ушел писать акт. Сами понимаете, акт был злой, но абсолютно справедливый. Командир дивизиона был доволен.

– Молодец, хорошо отразил дело в этом клоповнике. Я им всем, и не только доктору, такой втык дам, долго помнить будут. Полтора года ремонтируются, а кавардак устранить не могут!

После оглашения моего акта, Володька не выдержал и заскочил ко мне.

– Слушай...

– Не хочу я служить, мне так тяжело.

– Всё, всё не по мне и не по моему характеру. Приходи ко мне, посидим, потолкуем.

К вечеру я зашел к нему в медпункт. Его эсминец был старым, медпункт малюсенький и очень неудобный.

– Как я буду дальше служить, а? Матросов боюсь, офицеры грубые. Все, все не по мне, – причитал он.

Хорошо зная Свида, я его понимал, он был умный и тонкий человек, начисто лишенный той дозы солдафонства, которую хочешь, не хочешь, а получал каждый курсант за три года казарменной жизни. Это был теоретик и любое практическое дело, даже самое пустяковое, ставило его в тупик. Работа же корабельного врача – это сплошная медицинская проза.

– Слушай, а у меня есть идея, – обрадовано воскликнул я. – У тебя же врожденная желтуха, дело-то пустяковое, но из нее можно «слона сделать». Иди к терапевту базы и жалуйся на боли в правом подреберье. Он же твоего диагноза не знает, лаборатория здесь слабая, кроме билирубина ничего не определяют. Вот по повышенному билирубину и жалобам он тебе хронический гепатит и прицепит. И прощай флотская служба.

Володька внимательно слушал.

– Так, изучи в совершенстве клинику гепатита и вперед! – скомандовал я.

И дело пошло. Через месяц Свиды был выписан из гарнизонного госпиталя с заветной бумажкой, где черным по белому было написано «Негоден к военной службе в мирное время, ограниченно годен, 2-ая степень в военное время».

Великий обман состоялся. Военно-морской флот потерял не очень перспективного офицера, а наука получила будущего Академика РАН, директора престижного ленинградского института Свида Владимира Леонидовича. Моя причастность к его судьбе в очередной раз была очевидной. Да здравствует человек, то есть я, три раза «спасший» Свида от смерти и травм и «разглядевший» в нем будущего Академика.

Профилактика деторождаемости на корабле

Дни шли, ремонт затягивался. Офицеры шепотом жаловались, что в этом чертовом Пити даже презервативов в аптеках нет. Это для молодых здоровых ребят, которые вырывались с корабля к своим женам, как к любовницам, было просто трагичным.

И вдруг слух – в центральной аптеке есть! Необходимо срочно снарядить гонца в город и гонец был назначен. Им был, конечно, я (стал было возражать, что мне-то они не нужны, жена в Питере и так далее). Но Слон коротко приказал:

– Тем более, доктор, Вы, и никто другой, а то подцепите еще чего-либо, да и товарищей выручайте.

Заявки стали поступать тут же: «мне 20 штук, мне – 15» и так далее. В общем набралось заявок на 200 штук. Я взял свой фибровый чемоданчик (тогда все мужчины имели фибровые чемоданчики) и пошел в бой с деторождаемостью. Придя в центральную аптеку, переждав пока все выйдут, подошел к продавцу. Им оказался толстый старый грузин.

– Что угодно, генацвали?

Не успел я сказать, что мне нужно, как дверь отворилась и вошла молодая грузинка. Я мялся и полушепотом произнес:

– Мне, пожалуйста, пакеты. – А, презервативы! – громко продублировал проклятый фармацевт. – Сколько? Я опять тихо, чтобы не услышала грузинка, сказал:

– Двести штук.

– Двести штук! Ай, молодец, ай, молодец! Сразу видно боец, моряк! – весело комментировал грузиняка.

Двери хлопнули, и вошла еще одна женщина, а за ней старый грузин.

– Тара есть? – продолжал тиранить меня продавец. – Давай чемодан сюда! – громко сказал он. Я протянул чемодан и экзекуция началась.

– Один, два, три... – он бросал пакеты в чемодан.

Я совершенно растерянный, переминался с ноги на ногу, на лбу появилась испарина. А посетителей все прибавлялось и уже стояла очередь. Боясь оглянуться, я попытался загородить окошко прилавка, но громкий голос продавца делал это бесполезным.

– Сто пятьдесят, сто пятьдесят один... – и так до двухсот. – Все! – подытожил он. – Ай, молодец, какую выручку ты мне сделал, – издевался грузин.

Сзади захихикали. Я, быстро расплатившись, схватил чемоданчик и, не глядя на очередь, стремглав выскочил из аптеки, сопровождаемый высказываниями на грузинском языке. На корабле я чуть не закатил истерику, сказав, что больше никогда за презервативами ходить не буду.

– Хоть наказывайте! – говорил я Слону. Офицеры хохотали. Старпом ядовито улыбался.

– Доктор! Вы же медик, а это дело естественное. Что тут стыдного, а? В следующий раз будьте спокойнее.

Тревожные ночи и Васькины приколы

Шел 1956 год, а осенью 1955 года в Севастопольской бухте взорвался и затонул линкор «Новороссийск». Я не буду пересказывать причины этой трагедии. Об этом много писали, но мы с самого начала были уверены, что это дело рук итальянских диверсантов под командованием знаменитого князя Боргезе. Кстати, этот знаменитый диверсант был женат на русской Алсуфьевой. Это он и его подводные пловцы дали клятву, что линкор долго не будет служить советскому флоту и выполнили свою клятву через 10 лет. После гибели линкора на флоте начался настоящий психоз борьбы за живучесть кораблей.

Аварийные тревоги объявлялись почти каждую ночь, иногда дважды за ночь. Мы ругались, вспоминая всех начальников, но прерывая крепкий сон, бежали на боевые посты. Однажды, когда я особенно переживал, что меня оторвали от моего верхнего ложа, в медпункт вошел Вася-интендант. Лицо его отображало такую муку, такую тоску, что я сразу же насторожился и, обеспокоенный его здоровьем, произнес:

– Вася, сядь, возьми градусник. Дай-ка я тебя осмотрю.

Он смиренно стащил с себя одежду, засунул подмышку градусник и застыл в ожидании осмотра. Я измерил давление, послушал сердце и легкие, положив на кушетку, пощупал живот. Все было в норме. Температура 36,6. Вася, не изменяя страдальческой маски, внимательно следил за моими действиями. По корабельному радио раздавались указания по борьбе за живучесть. Я должен был бежать на боевой пост, а тут страдалец Вася.

– Слушай, – резюмировал я, – у тебя все в норме.

– Да, я это знаю, – скромно опустил он глаза.

– Да что тебя, наконец, беспокоит? – взмолился я.

– Да ничего не беспокоит, только спать шибко хочется.

– А что ты ко мне по тревоге приперся со своим скорбным видом, а?

– Да ты знаешь, док, я так люблю, когда ты меня стучаешь, слушаешь, щупаешь!

– Пошел вон! – вспыхнул я. – Нашел время когда шутить! Сейчас Слон мне голову оторвет за отсутствие на боевом посту.

Он поднялся и медленно пошел приговаривая:

– Где твой врачебный гуманизм, где твоя клятва Гиппократы? Человек пришел, чтоб его пожалели, приласкали, а он – «Пошел вон!». Эх, доктор, грубеет твоя душа. Ты уже не тот, что два месяца назад!

– Иди, иди, – выпихнул я его из медпункта. – Потом пожалею. Самого меня кто пожалеет? Замордовали совсем, спать по ночам не дают!

Слон на «боевой тропе»

За несколько дней до перехода корабля в Севастополь, Слон, весь потный, красный как рак, вывалился из каюты командира и направился на верхнюю палубу. Всем стало ясно, что командир хорошо поработал с ним. Он шел быстро, но палуба внезапно опустела и спустить пар на ком-то никак не удавалось. А тут я, стоявший на юте и горестно размышлявший о своей судьбине и захотевший вдруг, именно сегодня, практически впервые, сойти на берег и прогуляться по городу. И вот он – старпом. Думаю, вот сейчас и отпрошусь:

– Товарищ капитан-лейтенант, разрешите сегодня сойти на берег до 23.00?

Он с ходу обернулся, остановился как вкопанный, вперил в меня злые презренные глаза:

– Нет! Наводите порядок, бардак кругом! Нечего вам на берегу делать! Потом вдруг сменил гнев на милость.

– Хорошо, доктор, завтра вместе сойдем, я сам уже забыл, как трава пахнет! Но я неожиданно для самого себя взбеленился.

– Больше месяца на берегу не был и хочу сегодня, и один! Он с удивлением смотрел на меня.

– Вы что, доктор, со мной не хотите что ли?

– Не хочу! – геройствовал я. – Хочу один, устал от всех, хочу один. Он пожевал губами.

– Ну ладно, иди, да смотри там...

Он не закончил свою мысль, но этого было достаточно, чтобы расстроить меня окончательно. Уже никуда не хотелось.

– Никуда я не пойду, буду на корабле!

– Ну, ты даешь, док, – перешел он с «вы» на «ты», – то хочешь, то не хочешь. Делай как знаешь – завершил он. – Я же хотел, как лучше, вместе куда-нибудь закатились бы, у меня жена-то в Севастополе.

Вся его агрессия прошла и мне вдруг стало жалко его, такого большого, но незащищенного от беспощадного языка нашего кэпа (Румпеля), способного, благодаря табелю о рангах, уничтожить морально такого великана. Постепенно исчезло первоначальное чувство постоянной опасности, что вот-вот что-то произойдет, с кем-то что-то случится, что кто-то внезапно тяжело заболит или получит травму.

Я уже хорошо знал корабль, уверенно ориентировался во всех его многочисленных помещениях, научился спускаться с трапов по-флотски, то есть практически не пользуясь ступеньками, а цепляясь за перила, молниеносно перебрасывать тело вниз. Спускаться по трапам пешком категорически запрещалось, ибо по боевой тревоге экипаж за считанные минуты должен был находиться на боевых постах. Мой боевой пост находился не в медпункте, а в большом кубрике боцкоманды, где разворачивался боевой лазарет. В этом помещении по тревоге было душно, иллюминаторы задраивались, а никакого кондиционирования в то время не было. Очень сильно пахло лекарствами и был постоянный и монотонный шум на высоких тонах от работающего агрегата гирокомпаса. Буквально через полчаса нахождения на этом посту заболела голова и наступало щемящее чувство жалости к самому себе, бедному корабельному докторишке, вынужденному находиться в этом аду. При этом, где-то на земле спокойно работали такие же, как я, молодые доктора, находясь в кабинетах с медсестрами, шли домой после трудового дня и радовались жизни.

Особенно тяжело было, когда корабль качало. Эта замкнутость пространства, запахи, шумы еще больше усиливали проявления морской болезни, изматывали меня до крайности. Если в обычное время можно было хоть постоять на верхней палубе, отдышаться свежим воздухом, то внизу по тревоге, в этой сурдокамере жизнь казалась только черного цвета. Приходилось терпеть, ведь добровольно пошел на это поприще.

Надо сказать, что чувство долга у офицеров того времени было воспитано довольно основательно. И этому не мешало, что почти никто из нас не имел своего жилья; семьи ютились в съемных крохотных квартирах, а чаще комнатах или во временках, разумеется, без всяких удобств, а иногда и без фундамента, как было у нас с женой в первый год службы в Севастополе. Деньги мы получали скромные, но, конечно, более весомые, чем у массы гражданских лиц. Мой оклад без звания и морских на корабле составлял 1200 рублей (то есть 120 рублей после реформы 1961 года). Все наше состояние ограничивалось обычным набором необходимой мебели: стол, стулья, шкаф, кровати, чаще металлические, редко – диваны. В гардеробе преобладала форменная одежда, но для одного, редко двум костюмам место находилось. У немногих были черно-белые телевизоры («Рекорды», «Темпы»). Такая аскетичная с позиций сегодняшнего дня, обстановка не мешала нам с одной стороны добросовестно выполнять свои обязанности, с другой – весело проводить время в компании друзей и в доме офицеров. Военно-морская служба тяжела для любого члена экипажа, не все выдерживали ее нагрузки. Я уже рассказал о Свицерском, но и часть офицеров других специальностей мечтали уволиться, что в те времена было практически невозможным без весомых причин.

На нашем корабле командиром БЧ-V (то есть электромеханической части) был капитан-лейтенант инженер М. Якованец. Вообще-то служба механика на корабле – это очень тяжелая доля. У них не бывает перерывов в работе. В походе – это работа всех механизмов, обеспечивающих ход корабля, тепло, освещение, работы всех агрегатов и так далее, а на стоянках – работа вспомогательных механизмов, обеспечивающих повседневный быт личного состава. Механик и его два помощника (командир машинно-котельной и электротехнической группы) – самоотверженные ребята. Они всегда в деле, в проблемах, в ремонтах. От их одежды на корабле обычно пахнет маслом, а «прогары» (яловые ботинки) излучают особый запах смеси машинного масла, пота и мазута.

Якованец служить не хотел, но долг выполнял, иногда, правда, удивляя меня своими выходками. Скажу сразу, что корабельные доктора и механики чаще всего были союзниками и даже друзьями. Так, Якованец в самом моем корабельном младенчестве выразил мне свое доброжелательное отношение и часто в разгар рабочего дня, когда у него все крутилось и проверялось после ремонта, неожиданно появлялся в моей каюте, садился в кресло и начинал разглагольствовать о превратностях нашей жизни. Он был холост и, когда ему удавалось сойти на берег, был не очень разборчив в выборе подружки на вечер, а, если позволяла обстановка, то и на ночь. А утром ругал себя за эту нетребовательность к внешнему виду, возрасту и интеллекту своих временных подруг.

– Представь, док, вчера вырвался с корабля, ну понятно «принял на грудь» всего-то грамм 250-300, тут же познакомился – вроде баба ничего, все на месте, а утром у нее проснулся, смотрю – старуха облезлая и зубы редкие, тьфу ты! Дурак я. Вот жизнь, а?

Я проводил с ним короткую профилактическую беседу, наставляя на путь истинный, но он повторял все с пугающей частотой.

– Док, дай-ка я посплю в твоей каюте, – просил он в самое неподходящее время. – Устал я смертельно, – залезал на мою койку и тут же засыпал.

«Хочешь жить в уюте – спи всегда в чужой каюте», – любил приговаривать он. Пока он спал, дежурный по ПЭЖ (пост энергетики и живучести) метался по кораблю в его поисках, ибо что-то не ладилось, где-то что-то не работало и не крутилось.

– Доктор! – с надеждой спрашивал дежурный. – Он не у вас? Господи! Куда он провалился, ведь на берег не сходил. А у нас ЧП.

Я, молча, отдергивал занавеску и указывал ему на верхнюю койку.

– Товарищ капитан-лейтенант, товарищ капитан-лейтенант, срочно ваша консультация нужна! Не работает...! – и начинается перечисление что не работает и что вышло из строя.

Якованец нехотя вставал, бубня себе под нос, что молодежь ни хрена не знает и без него ничего не решает, что он очень устал и хочет спать, и вообще, пошло оно все к чертовой матери. Однако дело свое знал и через какое-то время, после его вмешательства, все работало, крутилось и вертелось.

Командир на дух не переносил Якованца.

– Лентяй, разгильдяй, – шипел он старпому. – Вы его почаще контролируйте, говорят, что иногда его с ищейкой на корабле не найдешь. А вы, доктор, я знаю, покрываете его. Мне докладывали, что не раз находили его на вашей койке. Я и вас буду наказывать за соучастие, так сказать. Корабль вот-вот закончит ремонт, а он, разгильдяй, спит вместо контроля работы механизмов. Черт знает что делается!

Старпом стоял по стойке смирно, пыхтел и, медленно разъярясь к концу командирского разгона, как боевой конь пред атакой, уже стучал копытами. Я, понимая, что Слон вот-вот ринется к механикам, тихонько смывался и мчался в ПЭЖ предупредить дежурного, что сейчас состоится экзекуция, и что Слон вот-вот будет «на боевой тропе». Вся БЧ-V сразу же приходила в движение, все рьяно выполняли свои обязанности. После короткого налета старпом успокаивался, и всё приходило в исходное состояние.

Помощник Якованца – командир машинной группы старший лейтенант Маркеленков был добросовестным офицером и семьянином. У него уже было двое детей, и он никогда не позволял себе никаких «левых» вылазок. Правда, в дальнейшем, я убедился, что это поведение вдруг резко изменялось, когда корабль должен был идти в Новороссийск. Он прямо нарывался на наказание, делал все, чтобы его посадили на гауптвахту и именно в Новороссийске. И это иногда осуществлялось. Пока мы в Новороссийске выполняли какие-то задачи, Маркеленков суток 7 – 10 сидел на гауптвахте. Прозрение пришло к командиру и ко всем нам, когда по агентурным каналам мы узнали, что комендант гауптвахты был его другом и заядлым шахматистом, а Маркеленков весь свой досуг на корабле проводил в решении шахматных задач и изучении теории шахмат. Оказалось, что как только он попадал на новороссийскую гауптвахту, у него начиналось райская творческая жизнь. Вместе с комендантом часами играли в шахматы, а потом шли обедать в ресторан. В общем, не жизнь, а малина.

Выяснив все это, командир долго и нудно ругал Якованца за незнание своего личного состава, даже своего ближайшего окружения.

– Вот ведь, разгильдяй, даже помощника своего не разглядел и позволил дважды в течение года отсидеть ему почти в санаторных условиях, а именно в Новороссийской гауптвахте.

Говорили, что комендант тоже был наказан начальником гарнизона. После этого Маркеленков служил, как миленький, и даже через какое-то время выбился в передовики.

Доктор! Вы хороший доктор, но вы гражданский доктор!

Итак, мы в Севастополе. Ремонт закончен и нам необходимо сдать несколько задач, чтобы нас ввели в число боевых единиц Флота. После сдачи первой задачи К-1, начинали платить дополнительно 30% оклада, так называемые «плавающие» или «морские». Задача К-1 – это порядок на корабле, организация службы, состояние боевых постов, техники и знание своих обязанностей и руководящих документов. Перед сдачей этой задачи мы пару недель вылизывали корабль, служебные и жилые помещения, провели дезинсекцию. Что это значит – знает любой моряк. На кораблях, несмотря на постоянные приборки и наведение чистоты, обитало большое количество тараканов. Днем их увидеть было не просто, а вот ночью!! Особенно на камбузе, в кают-компании, кубриках и каютах. Боролись с ними самым варварским для проводящих дезинсекцию, да и для всего личного состава методом, так как применялись очень токсичные вещества – гексахлоран и дуст в аэрозолях. Экипаж смазывал во всех помещениях медяшки и никелированные поверхности техническим вазелином и все, кроме доктора и его помощников, сходили на берег, предварительно задраив иллюминаторы. А мы, облачившись в противогазы, поджигали шашки с гексахлораном в каждом помещении (большие и малые в зависимости от размеров этих помещений). Затем, задраив все люки и двери, переходили от одного к другому по всем помещениям и закуткам корабля. Выдерживали экспозицию часа два. После этого все разгерметизировалось, проветривалось и начиналась генеральная уборка. Урожай собирали большой. Я до сих пор помню картину, которую с ужасом наблюдал в первый раз. На палубе камбуза лежали и в предсмертной агонии шевелили лапками сотни тараканов. Вся палуба была усеяна ими. После этой экзекуции единицы выживали и очень скоро все можно было начинать с тем же успехом.

И вот через пару недель после дезинсекции и двухнедельных мытарств по отработке организации корабельной службы, был назначен день проверки. Комиссию возглавлял сам контр-адмирал Сысоев. Мы слышали о нем, о его строгости и придирчивости во время проверок, а ещё мы знали о виртуозном владении нецензурной бранью нашего любимого боцмана мичмана Л.Шмидова, но чтоб адмирал!... Оказалось, что он этим тоже пользуется и весьма эффективно. Ходила байка, что, при проверке бербазы строящихся кораблей в Николаеве, адмиралу не понравился порядок на камбузе.

– Шеф-кока сюда! Ишь, заелись, бездельники! – закричал он.

Вперед вышел тощий немолодой человек с выпирающим кадыком. Халат на нем висел, как на пугале. Адмирал с отвращением посмотрел на него и тут же перестроился в обличительном крике:

– Ишь, изблядовался, на порядок уже и сил нет! Присутствующая свита, еле удерживаясь от хохота, лишь прыскала в ладошки, затыкая себе рот.

Итак, корабль готов к проверке, все его помещения осмотрел Слон (старпом) и Румпель (командир). Ждем комиссию. И вот у трапа появляется большая группа офицеров во главе с коренастым и подвижным Адмиралом, который даже на трапе давал какие-то последние наставления офицерам комиссии. Сыграли учебнобоевую тревогу. Мы разбежались по своим боевым постам и заведываниям. Мне было приказано находиться на медпункте, а моим помощникам – в лазарете. Они с утра облачились в белоснежные халаты и все повторяли и заучивали свои функциональные обязанности. Ожидание проверки затянулось и, когда наше служебное рвение несколько притупилось, вдруг полуоткрылась дверь в медпункт, и в проеме показалась голова, а затем и тужурка с адмиральским погоном. Это, как

говорят, что у нас зима всегда приходит неожиданно, хотя ее все ждут, – такое же ощущение испытал я. Несколько замешкавшись, я не нашел ничего лучше, как произнести:

– Товарищ адмирал! Заходите, пожалуйста!

Его лицо исказилось гримасой недовольства – «можешь не приглашать, я и так зайду, когда захочу», и захлопнул дверь. Только теперь я сообразил, что нарушил все инструкции. Надо было четко доложить: «Товарищ адмирал, начальник медслужбы старший лейтенант Разумков», а не «заходите, пожалуйста». «Все пропало – решил я, – больше и проверять не будут и так все ясно, что доктор элементарные военные требования не выполняет».

Наступило долгое ожидание итогов проверки и, наконец, офицеров пригласили в кают-компанию. Раздолбон начали с БЧ-1 (штурмана) и так по порядку боевых частей. Где-то на уровне БЧ-IV-V я поднял глаза на плафон, висящий прямо над головой адмирала, и с ужасом заметил, что внутри него, как по арене цирка кругами, бегают очень даже резвый «прусак». Он остановился на секунду, замер, а потом подгоняемый только ему известной причиной, начал наматывать круги. «Боже! – ужаснулся я, – только бы не заметили!» И внезапно перехватил взгляд Слона, который тоже с тревогой наблюдал это представление. Он зло посмотрел на меня. «Ну, все, – решил я, – задачу К-1 не сдадим».

Критические замечания сыпались из уста выступающих, как из рога изобилия. Впечатление было такое, что мы просто ни к чему не готовы. «Плакали наши «плавающие», – с унынием подумал я. Уверен, что эта мысль была основной в головах и моих сослуживцев. После того, как последний проверяющий доложил недостатки, встал адмирал.

– Мне все ясно, – сказал он. – Корабль к сдаче задачи № 1 не готов. Кстати, – заключил он, – медицину не проверяли. А что ее проверять-то, – иронизировал он, – посмотрите вверх!

Все задрали головы.

– Медицина ничего не делает, докладывать не умеет, с тараканами не борется. Посмотрите! – он ткнул пальцем в плафон. – Видите, как он, мерзавец, забегом занимается. Или люди на корабле, или тараканы! Да и доктор ваш до сих пор, как в сельской поликлинике – «заходите, пожалуйста», – снова процитировал он меня. – Уставы изучайте, а не реверансы здесь разводите. В общем, командир, работайте, офицерам объявите оргпериод. На берег ни ногой. Можете разойтись!

Офицеры корабля понуро поплелись долой с глаз начальства. Через час командир вызвал к себе. Румпель тяжело посмотрел на меня.

– Доктор, вы неплохой доктор, но вы гражданский доктор, хоть и флотскую Академию окончили. Ну как вы могли так его обозлить? Наводите порядок, изучайте устав и другие руководящие документы. Недели через две они вновь появятся. Идите!

Задача К-1 провалилась. Не видать нам жен, как минимум дней десять. Через пару недель комиссия вновь явилась, но без адмирала. Задача К-1 была принята, и корабль стал отрабатывать артиллерийские и торпедные стрельбы, постановку мин, стрельбы по «конусу». Механизм корабельной службы завертелся на всю катушку. Походы в море были один за другим. Для дома оставалось совсем мало времени. Вождем и так ожидаемым в офицерском коллективе был, так называемый, «сквозняк». Это значило сойти на берег вечером в субботу и прийти к подъему флага в понедельник утром. Лишиться «сквозняка» было сущее наказание. Постоянным местом базирования моего эсминца была минная стенка, вблизи знаменитой «Графской пристани» в центре Севастополя. Но иногда нас загоняли на «Угольную» или даже «Троицкую» пристань. Туда было гораздо сложнее добраться. Основным транспортом для нас были городские катера, курсирующие по Северной и Южной бухте, или троллейбус, который от центра города шел на Корабельную сторону в обход Южной бухты. Это было долго и нудновато. Иногда, по погодным условиям, катера отменялись и тогда возможны были опоздания на корабль. Так однажды, ошастливленный

«сквозняком», понадеявшись на катер, я опоздал на корабль, стоящий в Троицкой бухте, на целых двадцать минут. Когда весь взмыленный прибежал к трапу, с ужасом заметил, что швартовая команда находится на юте, трубы дымят, и корабль вот-вот оторвется от стенки. У трапа вместе с дежурным меня ожидал Румпель.

– Ну что, доктор! Из-за вас уже десять минут как срываем приказ о выходе в море. Что с вами? Почему опоздали?

Я стал что-то лепетать об отмене катера, но командир резко оборвал меня:

– Вы морской офицер. Ваш дом – корабль и опаздывать из-за транспорта вы можете только к жене или любовнице, а не на корабль. За опоздание на двадцать минут и задержку выхода корабля в море объявляю вам десять суток гауптвахты! Понятно?

– Есть десять суток гауптвахты! – только и оставалось мне повторить.

Командир резко повернулся и почти бегом ринулся на мостик. Стоявшие по авралу офицеры сочувственно смотрели на меня.

Сделай добро – получишь зло

Я побежал в медпункт. Ворвавшись в помещение, первым делом увидел сидящего на кушетке матроса боцкоманды Ильченко. Глубоко в носу он сосредоточенно и осторожно держал медицинский термометр.

– Ты что? – почти закричал я. – Что ты здесь делаешь?

– Температуру измеряю.

– А почему термометр в носу?

– А я почему знаю, спросите у Ясинского. В это время вошел мой санинструктор, старшина 2 статьи Ясинский.

– Что происходит, Ясинский? – указал я на Ильченко.

– Да товарищ старший лейтенант, приходит эта дубина и жалуется на плохое самочувствие. Я ему говорю, смерть температуру и даю градусник. А он спрашивает: «А как?». Я говорю: «Что как? Поставь градусник и все». А он: «Куда?». Вот я и не выдержал: «Как куда? В нос – вот куда». Он и засунул, вот и сидит, как видите. Пыхтит.

У меня смешалось все – и горечь наказания, как я считал незаслуженного, и чувство раздражающего смеха от созерцания здорового детины с градусником в носу. Оказалось, что Ильченко ни разу в жизни не измерял температуру, так как раньше никогда не болел, да и жил где-то в самом захолустье Западной Украины.

Этот Ильченко еще попортит мне нервы и не раз. О самом запомнившемся случае расскажу. Дело было в Феодосии, где мы уже месяц работали с испытателями новых торпед. Однажды пришел комсорт боцкоманды, порядочный и трудолюбивый старший матрос, и рассказал, что Ильченко уже в течение двух месяцев не сходит с корабля из-за постоянных мелких нарушений дисциплины и совсем озверел. «Как бы он что-нибудь не выкинул», – подытожил он.

Я решил походатайствовать перед старпомом, чтобы он приказал боцману уволить его на вечер.

– Ты, доктор, ручаешься за него, а? Ведь он, мерзавец, все время что-то выкидывает: то подерется на берегу, то пьяным придет.

Сам Ильченко, как я уже говорил, был здоровенный парень, недалекий и диковатый. Лицо всегда было угрюмым, с товарищами по боцкоманде, особенно не общался, был нелюдим. Решив сделать доброе дело, я обещал старпому, что все будет нормально и сразу же вызвал к себе Ильченко.

– Ну что, – спросил я, – как поживаешь? Как служится? Он угрюмо посмотрел на меня.

– А что, живу – хлеб жую, как все служу.

– Давно на берегу был, а?

– Да меня зажали совсем, – ошетинился он, – боцман замордовал: все я не так делаю.

– Ну ладно, слушай, если я поручусь за тебя, что ты на берегу ничего не выкинешь и тебя уволят – обещаешь мне, что будет все нормально?

– Конечно, обещаю, не волнуйтесь, я что, не человек что ли.

Обрадованный таким пониманием моего поступка, я поспешил к старпому. Он меня внимательно выслушал.

– Ну, доктор, смотри... Это, конечно, хорошо, что ты заботаешься о личном составе, о его настроении и т.д. Но Ильченко? Смотри, смотри... Хорошо, завтра отпустим до 23.00.

Наступило завтра. Ильченко сошел на берег и исчез. В 23.00 его не было, в 24.00 – не было. Я задергался. В первом часу ночи прибежал рассыльный.

– Вас вызывает старпом. Я обреченно поспешил к нему.

– Ну, что, доктор, иди на берег, ищи своего Ильченко и пока не найдешь, на корабль не приходи! Но помни, что в 8.00 выходим на испытания.

Я побрел по ночным улицам Феодосии, соображая, где и в какой забегаловке его искать. В то время никаких ночных заведений не было, и мои поиски ограничивались прочесыванием ближайших к порту улиц. Где-то часа в 4 утра я понял, что это дело безнадежное и вернулся на корабль и сразу же заснул. В 6 утра был поднят рассыльным.

– Товарищ старший лейтенант! К старпому!

Одевшись и, в сердцах проклиная все и вся, невыспавшийся и злой, побрел к старпому. Только вышел на палубу, как нос к носу столкнулся с дежурным по кораблю, который сопровождал Ильченко к Слону.

– Ильченко! Ты же мне обещал! Где ты был? Он зло сверкнул на меня своими диковыми глазами.

– Где, где, у бабы. Вы-то домой ходите, а я что, не мужик что ли?

Укорять его или воспитывать было бесполезно и, выслушав очередной нагоняй от старпома, и зарубив себе на носу не вмешиваться в чужие дела, побрел на подъем флага.

Расплата

В те времена никакой «дедовщины» не было. Наоборот, чтобы уволиться в первую очередь «деды» старались так натаскать и подготовить замену, что относились к молодым матросам, как к сынкам-гарантам своего своевременного увольнения в запас, так что никаких избиений молодых матросов не было. А вот побили матроса Ильченко, каюсь, с моей докторской подачи. Я после всего случившегося, вызвал комсорга боцкоманды и спросил его, как он и другие боцманята оценивают поступок Ильченко в отношении меня.

– Скажи, как поступили бы вы, если были бы на моем месте? Как я буду в дальнейшем защищать интересы личного состава перед командованием?

Он встал.

– Товарищ старший лейтенант, простите меня, это я вас подставил, но обещаю, что Ильченко надолго запомнит свой подлый поступок.

На следующее утро, еще до подъема флага, я зашел в медпункт и увидел, что Ясинский замазывает зеленкой ссадины на лице Ильченко. Тот скосил свои злобные глаза и испытывающие впился ими в меня.

– Вот видите, товарищ старший лейтенант, избит я. Вот за что, не понимаю. Кому я, кроме себя, навредил? А? За что?

– А кто тебя бил-то?

– Да если бы я знал, я б его по палубе размазал. Наволочку на голову набросили, а потом и одеяло. И измолотили! Вот посмотрите.

На лице под глазами красовались хорошие кровоподтеки, а на переносице была ссадина, которую добросовестно замазывал Ясинский. В остальном все было нормально.

– Идите, Ильченко, идите. Все заживет до вашего очередного схода на берег, – не удержался съязвить я. – В освобождении не нуждаетесь, ну, а кто вас избил – ищите, может и найдете.

Потом я узнал, что этого бугая в одиночку все побаивались, а поэтому, выбрав удобный момент, накинули ему мешок на голову, заломили руки и постучали как следует по его поганой роже. Он после этого заглядывал каждому в глаза, вычислял экзекуторов, но это сделать ему не удалось. Так и не раскрыв секрета, угомонился.

Все несчастья на нашу голову

Артиллерийские стрельбы мы выполнили на «отлично». Старший артиллерист капитан-лейтенант Т...ский был мастер своего дела. Еще в Потти мне шепнули, что его любимчиком является старшина I статьи Казанцев, командир носовой башни. И действительно, на двухметрового широкоплечего красавца с постоянной добродушной улыбкой на лице нельзя было не обратить внимания. Я неоднократно заходил к Т...скому в каюту и заставлял там Казанцева, иногда пьющим чай вместе с ним. Это было, скажем так, не характерно для корабельной жизни. Носовая башня со своими 130 мм орудиями отстреливалась всегда только на отлично, состояние техники было идеальным. Когда спрашивал у комендоров, как они достигают такой высокой выучки и порядка – они только смущенно хихикали и отводили глаза в сторону. Мне это показалось подозрительным. Я отвел одного молодого матроса в сторону и прямо спросил:

– Слушай, а Казанцев вас не поколачивает? Он помялся.

– Товарищ старший лейтенант, а зачем ему нас бить, он просто свой пудовый кулак к носу поднесет, покрутит им и скажет: «Смотри у меня, если что не так»! И все, этого всем хватает. Его все боятся больше, чем командира БЧ. А тот зайдет в башню: «Ну, как у вас тут?». А Казанский: «Не беспокойтесь, все идет, как надо». Вот так и живем. Но не подумайте, что я жалуясь, все нормально.

Для меня все стало ясно. Хитрый Т...ский знал, как держать артиллеристов в руках.

Торпедные стрельбы мы завалили. На флоте утопить торпеду при учебных стрельбах – это ЧП на всю эскадру. А мы ее утопили. Искали долго, но с торпедолова сообщили, что надеяться не на что, торпеда утонула. Командир БЧ-III капитан-лейтенант Смирнов, небольшого роста, вечно чем-то озабоченный, потный и красный, как рак, стоял на мостике перед командиром и что-то лепетал в оправдание. Я услышал заключительные слова командира:

– Оpozорил на весь флот, опозорил. Не знаю, что теперь будет! Идите с глаз моих долой.

Смирнов трусцой кинулся с мостика. Но это было только начало позора в тот злосчастный день. Когда мы уже следовали курсом на Севастополь, на мостик ворвался механик Якованец с воплем:

– Мы засолились!

– Стоп машины! – немедленно отреагировал командир. – Вы меня все похороните здесь. Черт знает что происходит! – кричал он на всех присутствующих на мостике.

Дело в том, что в котлы эсминца вода всегда должна поступать практически пресной. За этим постоянно наблюдают два химика, чья маленькая лаборатория была на верхней палубе в районе правого шкафута. Они периодически брали пробы котельной воды на анализ и бдительно следили за ее соленостью. И вот провал, прозевали. Засолить котлы – это значит потерять ход, ибо отмываются они только в базе. Дело кончилось полным конфузом – эсминiec «Безудержный» на буксире, медленно и печально, входил в базу. Всем нам казалось, что на всех кораблях эскадры наблюдают наше позорное шествие. На душе каждого было гадко, и вся команда испытывала чувство стыда за себя, за весь экипаж, за корабль.

Когда нас приткнули к минной стенке, командира тут же вызвали в штаб дивизии. Не знаю, что уж там говорил ему капитан I ранга Михайлин (будущий командующий Балтфлотом, а потом заместитель Главкома по ВМУ и полный Адмирал). После этого пару недель на командира просто больно было смотреть.

Кэп

К этому времени я уже многое узнал о нашем кэпе. Ему было 37 лет, начал службу матросом на кораблях ЧФ, воевал. После войны закончил параллельные курсы при Бакинском военно-морском училище и, пройдя на кораблях все должностные ступеньки, в 1955 году назначен командиром нашего корабля, сменив известного на флоте будущего адмирала Соколана. Он хорошо знал английский язык и пару раз назначался командиром перегонки кораблей с Балтики на ЧФ, экономя Родине денежки за счет отсутствия переводчика. С офицерами обычно держался строго, но был вежлив. Услышать от него грубость – надо было очень постараться. Юмор понимал, о чем я напишу позже.

Так, однажды, прибежал рассыльный и объявил, чтобы я немедленно прибыл к командиру с секретной тетрадью. Честно говоря, секретная тетрадь моя почти не содержала секретов, но кое-что по боевой организации службы все же законспектировал. Взяв у секретчика тетрадь, поспешил в каюту командира. Румпель внимательно перелистал ее, периодически бросая на меня красноречивые взгляды.

– Да, доктор, жидко, жидко, не изучаете вы руководящие документы, да и конспекты ваши худосочные. Даю вам месяц срока и снова проверю. А пока садитесь, мы должны с вами обсудить один вопрос.

В это время в дверь постучались и вошел капитан Празукин, как всегда фуражка на затылке, руки при докладе командиру вывернуты ладонью вперед.

– Товарищ командир, капитан Празукин по вашему приказанию прибыл.

– Хорошо, хорошо. Покажите вашу секретную тетрадь.

– Секретную тетрадь?

– Да, да, ее.

– Товарищ командир, разрешите доложить, я уже старый, у меня нервы слабые, поэтому секретов не изучаю, не запоминаю и не записываю, так как в случае чего под пытками англо-американских империалистов могу не выдержать и секреты разболтаю! – выпалил Празукин.

Во время его тирады лицо командира меняло свое выражение от глубокого удивления сказанным до состояния подергивания мимических мышц, когда человек всеми силами сдерживается, чтобы не расхохотаться. Победила должность. Он сделал серьезное лицо и произнес:

– Я всегда знал, Празукин, что вы склонны к шуткам, но, извините, не с командиром же! На первый раз я оценил ваш юмор, но через месяц, если у вас не будет секретной тетради с конспектами руководящих документов – я накажу вас по полной программе. Поняли?

– Так точно, понял! – скорчил покорную рожу Вася. – Будут конспекты.

– Вот, вот, а пока идите, балаган здесь развели. А вы, доктор, слушайте. Пришла разнарядка: уволить досрочно десять матросов. Опять Никита Сергеевич сокращение Вооруженных Сил проводит. Кажется на 400 тысяч человек. Так вот, обдумайте кандидатов со всякими там дефектами, кто часто болел и т.д. В общем, предлагайте.

– Есть обдумать, – обрадовался я.

Несколько кандидатов у меня были и без обдумывания – действительно слабые и часто болеющие ребята. А вот про одного я расскажу подробнее.

Белая ворона

Был у нас один палубный артиллерист, тихий, неразговорчивый, небольшого росточка, но очень дисциплинированный, родом из глубинки Украины. По поводу него ко мне неоднократно обращался его командир, старшина 2 статьи.

– Товарищ старший лейтенант, странный он какой-то, очень любит галльон чистить, сам вызывается. Все матросы над ним посмеиваются, а он и ухом не ведет. А убирается всегда классно, ни разу замечаний не было. И все же странно это.

Я к сведению принимал, но, разумеется, никаких выводов не делал. Списывал все на особенность личности. А тут, узнав о возможном досрочном увольнении, ко мне пришел сам капитан-лейтенант Транский.

– Слушай, док, у меня подчиненный один есть, по-моему, у него мозги набекрень.

И назвал фамилию этого матроса. Я решил перестраховаться и включил его в список досрочно увольняемых. Прошло несколько дней, как вдруг, на пороге медпункта появился этот матрос. Он был необычайно возбужден и буквально набросился на меня:

– Товарищ старший лейтенант, вы почему меня в список досрочно увольняемых подали, а?

– Да что ты, право, успокойся.

– Нет, не успокоюсь! Что я в деревне скажу, когда меня спросят, почему я не дослужил один год, а? Нет, не хочу увольняться, вычеркните меня! Прошу вас.

Да, это было необычно. Сам отказывается от увольнения, я этого еще ни разу не видел.

– Ладно, ладно, подумаем, – успокоил я его. – Идите. А сам поспешил к командиру.

– Товарищ командир, матрос «К» от досрочного увольнения категорически отказывается, -доложил я. – Настроен агрессивно и требует вычеркнуть его кандидатуру и остаться дослуживать на корабле.

– Да, вот это экземпляр, – в раздумье произнес кэп. – Впервые такое вижу. Знаете, доктор, его патриотизм и тенденции убеждают меня в том, что у него с головой действительно что-то не то. Уволим его обязательно, от греха подальше.

И матрос поехал к себе в деревню.

Не знаешь точно, помалкивай!

В Севастополе я решил сделать углубленный осмотр всему личному составу корабля. Завизировав у старпома график, стал ежедневно по подразделениям по двадцать-тридцать человек изучать своих подопечных. Надо сказать, что та старая медицинская школа обязывала опрашивать и осматривать человека, как говорят, от макушки до пяток, перкутировать, выслушивать, ощупывать, то есть этот осмотр был не формальным. Я хотел знать фактическую сторону дела, фиксируя все у себя в журнале и составляя план оздоровительных мероприятий. Кому-то положена была плановая госпитализация, кого-то необходимо было освободить от определенного вида работ и так далее. И вот однажды ко мне на прием явился здоровый детина, старшина 2 статьи Бессараб.

– На что жалуетесь? – спросил я. Он криво улыбнулся.

– Разве что на редкие увольнения, да вы в этом не поможете.

Я осмотрел его и вдруг обнаружил, что у этого гиганта крайняя плоть полностью закрывает головку члена и не смещается даже при тщетных усилиях ее открыть. Это в медицине называется фимоз. И тут меня переклинило. Я по незнанию и в плену своего ошибочного собственного мнения связал наличие этого фимоза с невозможностью жить половой жизнью владельца оно, то есть Бессараба.

– У вас, старшина, фимоз. Вы не сможете полноценно жить половой жизнью, – удивил я его.

– Да что вы говорите, товарищ старший лейтенант? Ай-ай, что же мне делать?

– Я направлю вас в госпиталь на операцию в урологическое отделение, сделают операцию и все будет хорошо. Согласен?

– Конечно, я согласен. Надо же, не смогу е...ть, ай, простите, жить половой жизнью. Надо срочно меня в госпиталь.

– Все-все сделаем, – обнадежил я, внутренне удовлетворенный тем, что я вовремя помогу старшине в дальнейшей жизни.

Зарегистрировал его в журнале и поставил на очередь на госпитализацию.

На следующий день, идя по верхней палубе и встречая кочегаров, я заметил, как, увидев меня, они хихикают и отводят свой взгляд. Я ничего не понимал. Над чем они смеются? Проверил свою форму одежды, все было нормально. Наконец, когда заметил старшину 2 статьи, командира отделения одной из кочегарок, откровенно заржавшего при моем появлении, схватил его за рукав и заставил признаться о причинах его смеха.

– Товарищ старший лейтенант, – сквозь смех, выдохнул старшина. – У вас Бессараб на осмотре был?

– Был, а что?

– А то, что вы ему сказали, а? Что ему операция нужна, да?

– Да, – удивился я.

– Товарищ старший лейтенант, он половину женского населения Севастополя успел перетрахать. Он же у нас половой гангстер, мы все об этом знаем, а вы – «половой жизнью жить не сможете»! – и он опять засмеялся.

Я был раздавлен. Это был урок: не знаешь точно – не болтай, а то будет очередной Бессараб и оскорбительный смех над бедным, неискушенным доктором.

Боцман Шмидов

Шло время, и появились на корабле не только сослуживцы, но и друзья. Одним из них был старший боцман корабля – мичман Шмидов. Вы представляете себе фигуру главного боцмана военного корабля, ту самую фигуру, которую описывали Новиков-Прибой, Борис Лавренков и другие маринисты, или вы видели эти колоритные личности в фильмах о морях? Да, мичман Леня Шмидов, единственный еврей, занимающий эту должность на Черноморской эскадре в те годы, как раз был таким. Коренастый, небольшого роста, лицо украшали пышные рыжие усы с закрученными концами, а подкручивал он их почти постоянно. Речь его была грамотно построенная, но прерывалась сложным и виртуозно вписываемым в нее матом, который был настолько органичен с его словами, что не ранил ухо и воспринимался, как необходимое образное дополнение к его постоянным претензиям ко всем в соблюдении порядка и чистоты на корабле.

Леня был эрудит и очень любил юмор. Его шутки вызывали гомерический хохот у матросов и черную зависть у молодых лейтенантов, обделенных этим чувством. Он был намного старше нас, молодых тогда офицеров, но всегда соблюдал служебную дистанцию, был вежлив и корректен в разговоре с офицерами, но всем своим видом демонстрировал, что он не просто мичман, но и главный боцман корабля.

Дел у боцмана всегда было предостаточно: порядок и чистота на верхней палубе, покраска корабля, все такелажные работы, швартовка, постановка на якорь, плетение матов, изготовление швабр и так далее и тому подобное. Его боцкоманда была самой интернациональной на корабле. В нее входили два здоровенных грузина, молдаванин, два узбека, казах, несколько западных украинцев, еврей, ну и, конечно, русские. Я уже говорил, что никакой дедовщины в то время не было, но выяснение, кто умнее, способней и красивее и т.д. происходило постоянно.

Иногда Леня заходил ко мне в медпункт и говорил:

– Доктор, как они мне все оп...ли со своими спорами. Черт бы их всех взял, не успеваю разнимать. Эти два черные долбо...ба (грузины) всех на уши поставили, мы самые умные, красивые, сильные, Сталин был наш, он всем вам навешал... А этот маленький пиз...к моей несчастной национальности все из угла квакает: «Мы гении, мы умные, мы еще не то придумаем, что уже придумали». Надоели! Дайте мне что-нибудь успокоить душу.

При этом он с вожделием смотрел на баночку «зеленки». Нет, не той «зеленки», о которой подумал читатель. Это была бутылочка спирта для отпугивания желающих ее попробовать подкрашенная чем-то в зеленый цвет. Но мы-то знали, что «зеленка» – первоклассное пойло, не приносящее пьющему никаких неприятностей. Я перехватывал этот ленин вожделенный взгляд и, если позволяла обстановка, наливал ему мензурочку, сопровождая действие нотацией, что пить, особенно в служебное время, вредно и что я это делаю в последний тридцатый китайский раз. В те времена китайцы в бесконечный раз предупреждали США о каких-то нарушениях их границ. Леня выпивал «зеленку», не разбавляя, краснел, кричал, морщился, при этом усы его поднимались почти до бровей, затем коротко благодарил, приговаривая: «Все же, док, у нас очень понятливый человек, всегда подлечит, стресс снимет», и уходил в кубрик к своему «интернационалу».

Симулянт

Отдельных представителей его команды я и сейчас, спустя пятьдесят лет, очень хорошо помню. Колоритной фигурой был один из грузин, фамилия его была, кажется, Урушадзе. Когда я к нему обращался, он становился по стойке «смирно»: «Слушаю, товарищ старший лейтенант!». При этом его огромные, черные глаза в порыве служебного рвения, несколько выпучивались из орбит, контрастно подчеркивая белки его красивых глаз и упирались в тебя с таким вниманием и подчеркнутым почтением, что можно было все это принять за правду, но я-то знал, что для него никаких истинных авторитетов не было, кроме него самого и немного мичмана Шмидова. Памятен он мне тем, что однажды, обидевшись на кого-то, имитировал самоубийство. Но имитировал с большой долей риска. А дело было так.

Как-то к вечеру ко мне в медпункт ворвался боцман с криком:

– Урушадзе повесился!

Я схватил медсумку и помчался за ним на бак в район шкиперской каютерки. На палубе около открытого люка кладовки толпились матросы, а между ними полулежащий Урушадзе. Он тяжело дышал, держась за шею, на которой, как я сразу заметил, были небольшие ссадины от веревки. Я бросился к нему, нащупал пульс, посмотрел в глаза и с облегчением понял, что он в относительном порядке. Боцман матерился, руки у него дрожали, и вообще Исаича раньше я таким никогда не наблюдал. Оказывается, это он обнаружил Урушадзе и быстро перерезал веревку, поймав его в свои мозолистые руки. Через несколько минут висельник Урушадзе с моей помощью уже мог дойти до медпункта. Там в течение часа я добивался от него объяснения причин его поступка. Не получив никаких вразумительных ответов, понял, что он блефовал. Доложил командиру, выдвигая свою версию и, нарушая все существующие по этому вопросу инструкции, вместо срочной госпитализации, запер его в душевой офицерского состава, предварительно отобрав все, что может помочь членовредительству, и поставил у дверей часового.

– Подумай о своем поступке, Урушадзе, и не дури всем голову, – сказал я и запер дверь снаружи, предварительно сунув ему медицинскую утку. – Мочись!

Так он просидел у меня двое суток. Еду и парашу ему приносили, но он от всего отказывался. В это время вернулся из отпуска замполит капитан 3 ранга Соловьев. Выслушав мой доклад, где я его убеждал, что Урушадзе симулянт и все это подстроил, будучи уверенным, что его спасут, ибо увидел идущего в каютерку боцмана, у которого в кармане всегда был его замечательный боцманский нож. Об этом, конечно, знали все боцманята. Замполит, выслушав меня, разразился такой бранью, которой от него я никогда не ожидал.

– Ты что, – орал он, – хочешь, чтоб нас всех под суд отдали? О себе подумай! Ишь, какой принципиальный нашелся! Да черт с ним, с этим идиотом, если он даже симулирует. В психушку его срочно, чтоб через час его на корабле не было!

Пришлось выполнять приказ. Да я и сам, если честно, уже не знал, что мне с ним делать. Короче говоря, я с облегчением принялся исполнять приказание замполита.

Через два месяца пополневший и посвежевший Урушадзе, не скрывая радости, докладывал, что его увольняют по болезни и что я – бездушный человек, не поверивший ему, больному и несчастному. Узнав итоги урушадзовской эпопеи, командир строго посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.